

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М., Худ. литература, 1971. Стр. 463 - 471.

Однажды вечером я дольше обыкновенного засиделся у Владимира Андреевича Пожидаева, молодого ординатора при местной психиатрической лечебнице. Разговор зашел о так называемой литературе душевнобольных. Я спросил, правду ли говорят, что рукописные произведения некоторых сумасшедших, несмотря на беспорядочность мысли и причудливость изложения, все-таки носят печать чего-то, похожего на вдохновение.

Доктор задумчиво улыбнулся.

-- Как вам сказать?.. Если смотреть на вдохновение как на исключительное, ненормальное состояние психики, то почему же, с другой стороны, не смотреть и на бред как на своего рода вдохновение? Вспомните Эдгара По. Но, в большинстве случаев, все произведения наших пациентов носят такой явный характер безумия, что это сразу кинется в глаза самому посредственному наблюдателю. Впрочем, если этот вопрос вас действительно интересует, я вас охотно познакомлю с моей коллекцией произведений душевнобольных.

Доктор выдвинул один из нижних ящиков письменного стола и достал оттуда довольно объемистый портфель красного сафьяна. В портфеле оказался большой ворох исписанных бумаг всевозможных форматов.

-- Очень может быть, что я воспользуюсь всем этим материалом для своей диссертации. Вопрос интересный и почти совсем не разработанный в медицинской литературе, -- сказал Владимир Андреевич, передавая мне несколько пожелтевших, истрепанных листков. Вот, посмотрите-ка эти документы, хотя предупреждаю вас, что изо всей моей коллекции только одна вещь -- и то отчасти -- проникнута смыслом. Но зато этот смысл так ужасен, что до сих пор я, привычный человек, содрогаюсь, когда читаю это письмо. Вот оно. Прочтите его и скажите по совести, мистификация ли это очень тонкого и умного сумасшедшего,-- простите за невольный каламбур,-- или на самом деле произошел десять лет тому назад этот чудовищный случай, положивший новое пятно на темные стороны пашей психиатрической медицины.

Он дал мне тоненькую тетрадку, сшитую из нескольких листов почтовой бумаги, исписанную мелким и неровным мужским почерком.

Я прочитал следующее:

"Милостивый государь
Владимир Андреевич!

Именем всего, что вам дорого, умоляю вас дочитать это письмо до конца. Я знаю, как недоверчиво относитесь вы, доктора, к письмам ваших несчастных пациентов, и отлично понимаю, что эта недоверчивость покоится на очень разумных основаниях. Но, с другой стороны, я уверен, что вы, доктор, как человек глубокого и всестороннего ума, не станете отрицать возможности несчастных случаев и роковых профессиональных ошибок, в особенности в таком скользком и сложном деле, как исследование человеческой души. Все мы с детства читали и слышали об этих ошибках. Великий полководец под влиянием непонятого затмения делает такую грубую стратегическую ошибку, которую не сделал бы прапорщик. Профессор, известный всему миру, как великолепный диагност, так нелепо определяет болезнь, что над его диагнозом смеется фельдшер. Ошибки возможны -- на то мы и люди. Но я позволю себе спросить вас, доктор, как бы вы себя чувствовали, если бы узнали, что человек, которого вы сослали на каторгу, оказался невиновным, что больной, которого вы упорно лечили от тифа, умер от воспаления мозга и что, наконец, один из пациентов палаты No 14 просидел в ней десять лет благодаря трагикомическому недоразумению?

Я совсем одинок, и мне не к кому, кроме вас, обратиться за помощью.

Ведь вы не можете пожаловаться на то, чтобы я надоедал вам часто своими жалобами: это письмо -- первое, которое я вам пишу; если вам не будет угодно отнестись к нему с вниманием, оно будет и последним. Беспokoить же вас я осмеливаюсь потому, что ваше сердечное обращение с больными, ваше